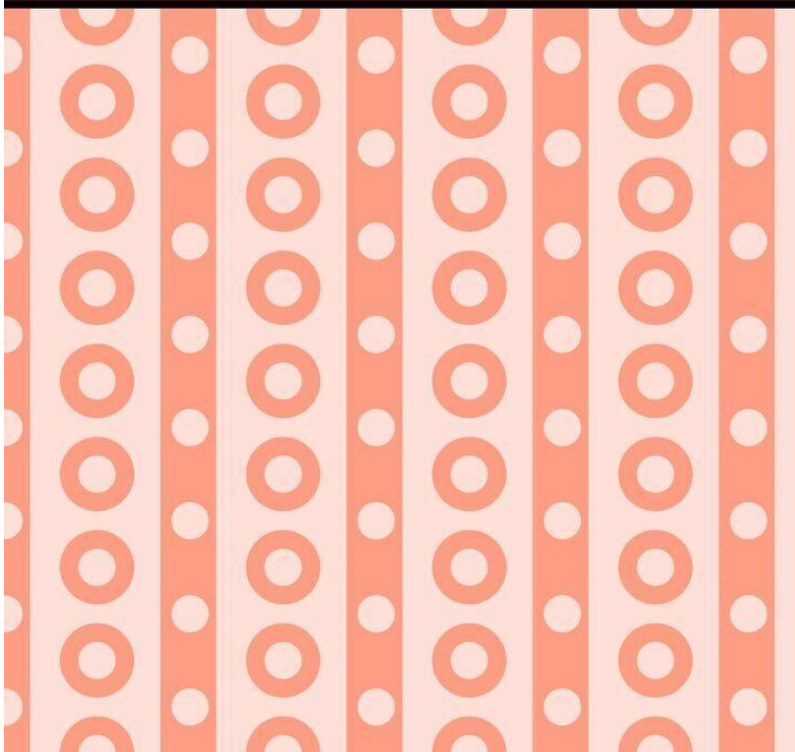

18+

ХАМАРХАН ХАМТАЙ АЛЕКСАНДР

Шоно

Хамархан Хамтай Шоно

<https://litres.ru/74301399>

ISBN 9785007082105

Аннотация

Эта книга про волчицу Шоно, которую когда-то ещё маленьким щенком подобрали охотники после волчьей облавы. Так она попала в семью шамана Милхая и его внука Коли. Шоно растёт среди людей, вместе с маленьким деревенским мальчиком. Учится человеческим законам и первым навыкам охоты. Однажды происходит событие, которое меняет её жизнь и жизнь ее маленького друга. Она, повзрослевшая и окрепшая, возвращается в свою родную среду, в родную волчью стаю с ее любимым Вожаком.

Содержание

Хамархан Хамтай Александр	5
Смертельная схватка	7
Лосинная охота. Хандагай	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Шоно

**Хамархан
Александр Хамтай**

© Хамархан Александр Хамтай, 2026

ISBN 978-5-0070-8210-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хамархан Хамтай Александр ШОНО

*...Птица высоко парит и чувствует вибрацию.
Хозяин леса — сильный Дух летает в ее теле.
В чьей он сегодня во плоти: в вороне ли, в синице?
Откуда тебе точно знать, где он на самом деле...
(Хозяин леса)*

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках, — это увлекательная история, из романов «Воспоминания старого шамана. Путь волка» и «Воспоминания старого шамана. Молодое поколение».

— Это повествование про волчицу Шоно, которую когда-то, ещё маленьким щенком, подобрала охотники после волчьей облавы. Так она попала в семью шамана Милхая и его внука Коли. Шоно растет среди людей, вместе с маленьким деревенским мальчиком. Учится человеческим законам и первым навыкам охоты. Однажды происходит событие, которое меняет её жизнь и жизнь ее маленького друга. Она, повзрослевшая и окрепшая, возвращается в свою родную среду. Увлекательные сюжеты этой истории объединяют в себе

героев: волчицу Шоно, Милхаевского внука Колю, его отца Степана, Матёрого — вожака волчьей стаи и большого черного ворона.

Я искренне верю, что эта книга подарит вам радость и хорошее доброе настроение.

С уважением, Автор.

Герои этой книги, явились собирательными образами, вместившими в себя много поколений хороших людей и их характеров. Людей, сохраняющих традиции, язык и культуру своего народа. Все, о чем сказано в них, все герои и события, являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Смертельная схватка

Шоно росла в любви и Колиной заботе. Лучшего друга нельзя было найти. Он проводил с волчицей время, кормил её, играл, дрессировать пытался понемногу. Шоно в своей охоте практиковалась на мышах и птичках. Ещё она присматривалась к повадкам остальных животных. Любила наблюдать, как кошка мягко наступает, подкрадывается к жертве, на мгновение замирает и грациозно прыгает. Действует она наверняка, расчетливо, не оставляя шансов.

Везде, где только можно, хищница искала лучшие примеры. Она была хорошей ученицей. Шоно переняла кошачьи навыки. Так выработался «стиль кошки». Был так же у нее стиль птички и стиль мышки. Ей нравилось подолгу наблюдать за вороном. Особенно когда взлетает тот, отталкиваясь от поверхности, и широко размахивает крыльями. Копируя большую птицу, Шоно в прыжке «взлетала» и раскрывала лапы. Именно так ей лучше удавалось хватать синиц и воробьев. Волчица устремлялась вверх, сливаясь со своей воздушной сутью...

У грызунов Шоно училась хитростям движения по земле. Перебегая с места на другое, она меняла быстро направление, не позволяя своему сопернику что-либо предпринять. Терпение и выдержка сильно отличали Шоно. Она на практике училась, всем новым навыкам охоты. Из всех, что дово-

дилось видеть, кошачий стиль казался безупречным. Он объединял в себе всё лучшее, что есть в живой природе. Так время шло, Шоно не становилась более домашней. И, не смотря на бой, когда-то ей проигранный, её Начало раскрывалось только в драке. Момент пришел — Волчица стала огрызаться на собак.

Имея силу от рождения, приобретенные кошачью гибкость, птичью легкость и текучесть, Шоно формировалась в хищника, способного раздвинуть горизонты. По мере роста, — росли охотничьи инстинкты.

«Зачем гоняться за мышами, когда животные есть больше и сильнее!» — Так к грызунам и птицам волчица быстро потеряла интерес.

Однажды Коля шел домой от Димки вместе со своей любимицей. Соседский пес подкараулил и кинулся на Шоно. Рядом сразу собралась большая свора. Собаки лаяли, рычали, но нападать пока что не решались. У Коли ничего не оказалось под рукой. Он, как и раньше, глянул исподлобья, однако не остановил собаку, но только больше раззадорил. Пес остервенел от злости, и двинулся на мальчика. Он зарычал, оскалился, залаял грозно. Коля замахнулся на него, ударить попытался, но пес не глупый, увернулся в сторону и отскочил. Потом он резко прыгнул, схватился за рукав и повалил мальчика на землю. Мальчишка, чтобы уберечься от его зубов,

свернулся калачом: — сказался предыдущий опыт в драках. Одежда тоже помогла — она смягчала все укусы.

Пес, опьяненный безнаказанностью, хватал за всё, что попадалось в зубы. Другие шавки были рядом. Они рычали, лаяли, и наблюдали за тем неравным поединком. Лучшего момента выжидали, чтобы начать дележ добычи. Собачьи зубы и клыки хватали мальчика за тело, но Коля не сдавался: за жизнь свою боролся, пытался отбиваться от укусов. Была надежда, что его заметят и спасут. Хотя она, с минутой каждой, таяла. Возня собачья, на дороге, продолжалась без конца.

И Время стало липким и тягучим. И неожиданно совсем замедлилось, и в Вечность превратилось. Отчаяние и безысходность посетили мальчугана.

«Неужто жизнь вот так закончится?» — обратился Коля к предкам. В бессилии на что-то повлиять, он в мыслях помолился, так как раньше его дед учил. Он к смерти приготовился почти, как где-то рядом, позади, слышал хищное рычание. Заянам стало неуютно, чтобы Шаманский внук временно ушёл. Сегодня Дух пришел к нему на помощь и поменял звериные расклады.

Волчица ощутила Силу Леса, древнюю Силу Волка. Природа заступилась за своё дитя и управляла хищницей. Из неокрепшего подростка, она преобразилась в гибкого и молодого зверя, не знающего больше страха, способного терзать, убить или самой погибнуть.

Шоно метнулась в сторону обидчика, «хозяина дворов» и

предводителя собак. Инстинкт, дремавший в генах — пробудился, встал на её защиту, — защиту её друга. Волчица сжалась в мощную пружину и прыгнула по направлению к псу. В полете сбила его с ног, вцепилась мертвой хваткой в горло. Дворовый пес упал придавленный и сразу заскулил. Шоно давила своего врага, гораздо большего по силе, кидала яростные взгляды на окружающих собак. Так раньше бились её предки с не прошенными чужаками. Они пришли к Шоно на помощь — наполнить силой её тело, и тем усилить её Дух.

Пес захрипел в последнем издыхании. Волчица поднялась и стала его рвать. Глаза блестели у волчицы, а морда, грудь и лапы были в его крови.

Всё в одночасье поменялось. Суть — Время — будто размышляло, чью сторону теперь ему занять. Оно то замедлялось сильно, то ускорялось, не позволяя Шоно эту битву проиграть. Волчица прыгала как коршун, — давила своего врага.

Венец Природы — человеческий ребенок — должен остаться жить сегодня! Соседский пес — его обидчик — жестоко ей наказан.

Опьяневшая от крови, Шоно продолжала рвать. В своем азарте, волчица наскочила на другую шавку, готовую напасть в любой момент. Завязалась драка с новой силой. Мелькали головы собачьи, лязгали клыки и зубы, морды скалились,

чужие лапы и тела покрылись бурой кровью. Домашнее животное освободилось чудом от зубов волчицы и со щенячьим визгом побежало убежать. Оно не стало дожидаться, пока его совсем добьют.

Собаки сворой нападали, волчица отбивалась, в ответ удары наносила. И чудо снизошло сегодня:

Природа поменяла правила игры. Так вопреки законам и устоям, Дух хищника оберегал ребенка от его лучших «преданных друзей».

Шоно не стала жертву догонять — переключила ярость на других. Волчица раздавила Дух дворняги своим тяжелым хищным Духом. Жизнь поменяется у той собаки: другая станет — мелочная жизнь.

А время снова суть меняло, меняя и расклад вокруг. Оно вдруг сжалось до предела для собак дворовых, и словно замерло совсем.

Огромный пес дорвался до мальчишки, пока волчица отвлеклась. Он попытался рвать одежду, однако тут же отскочил назад. Душок ничтожный у него, и, несмотря на силу и размеры, нутро у пса было тщедушным. Он опасался меньшего противника, в глазах которого увидел смерть.

Волчица бросила преследовать собаку, в мгновение развернулась, и приготовилась к прыжку. В предчувствии смертельном, глаза её горели, и наливались красной кровью. Вол-

чица прыгнула, и зó раз, преодолела расстояние метра в три.

Очередной противник отбивался. С прокушенной ногой и перебитым сухожилием он все ещё пытался как-то отвечать. Но тщетно всё. Шоно металась молнией в разбитой одичавшей стае. Расчет её работал четко. Не выпуская каждую из виду, она определяла цель. Конечной же задачей, была защита маленького друга.

Свирепый пёс лежал в кровавой луже, а несколько собак сцепились с волком. Борьба происходила насмерть. И как из песни слово не исчезнет, так из стиха любая фраза не уйдёт:

*Волчица — воин — стоит десяти,
Коль хищный Дух при ней и правда!
Но время наступило раздавать долги,
Число врагов — не для неё преграда!*

*Сегодня никому так просто не уйти,
И сдаться ни за грош судьбе на милость.
Вот цель — огромный пес и его прихвостни.
Вперед Шоно — за друга и за справедливость!*

(Шоно)

Шоно осознавала Силу. Клыками ранила собак, большими лапами, когтями била. Ей очень пригодились опыт общения с серыми мышами. Меняя быстро направление, Шоно собак сбивала с толку. Так невозможно было угадать: куда

она сейчас рванет, а может, развернется — прыгнет, а может вовсе остановится, и снова побежит назад. Волчица вспомнила охоту на мышей.

«Собака — та же мышь, но лишь размером больше. Так если ей сустав нарушить, или же горло прокусить, — тогда противник обездвижен». Шоно хватала всех собак и не давала им собраться, чтоб нападение шло одновременно с трех сторон. Их перевес ослабевал. Собаки прыгали на Колю, но тут же отступали, под силой и напором, под натиском Шоно. Они бежали врассыпную, и снова в кучу собирались, чтобы потом опять её атаковать.

В вечерней драке, хищный Дух, боролся с Существом, собравшим под свои знамена бешеных собак. Они то нападали вместе, ведомые Началом Зла, то в страхе разбегались под натиском Шоно.

Похожая на них снаружи, внутри она была неуязвимой, сама Природа ей сегодня, на поле помогла. Собаки нападали, но не могли с волчицей справиться. Она была проворнее, быстрее резче и смелее. Шоно работала прицельно и очень методично, четко выбирая жертву для себя. В отпор агрессии своей, собаки получали злости, свирепой ярости от волка и больших потерь от ран.

А высоко, на темном небе, ветер разыгрался, — там, где

парили птицы, наблюдая сверху, за этой дикой деревенской схваткой.

Большая птица отделилась от своих, и опустилась ниже.

Здесь, внизу, Шоно сбивала с ног собак: когтями ранила, ломала кости. Своими мощными клыками собачьи шкуры разрывала. Она преследовала всех, давила их с остервенением. В азарте исступления и борьбы, Шоно входила в состояние: учителя из прошлых жизней ей помогали и вели.

Два пса уже лежали без движения, один из них в конвульсиях хрипел. Один ещё сопротивлялся, не принимая своего конца. Он огрызался, истекая кровью, не понимая, как и где Шоно является ему. Две шавки отползали, подволакивая лапы, прокушенные молодой волчицей.

Все остальные разбегались, с разодранными в кровь боками, разорванными мордами и шерстью. Они в Шоно видали зверя, большого хищника и собственную смерть.

В далеком поселении из Сибири, с волчицей Истина пришла! Сегодня в ней проснулся Дух. Достойная охота: — первая дичь и первая её победа.

— Шоно, ко мне! — она услышала знакомый голос, и тут же отступила. Коля был в крови. Вместо одежды, на нем висели грязные лохмотья. Лицо всё покарябано, в глубоких ра-

нах, ссадинах и синяках. Он сам с трудом поднялся на ноги и осмотрелся. Перед его глазами представало ужасающее зрелище: зверь тот, что сеял панику в деревне, — лежал в кровавой луже разорванный на части. Разделать так добычу мог только опытный и сильный хищник.

Недалеко от первого — лежал другой. Он был второй добычей Шоно. Третьей — была собака, что лежала в десяти шагах. Дорога бурым месивом была окрашена в кровавый цвет. Яркие брызги разлетались до самых дальних подворотен. Сегодня, в драке с Шоно, досталось каждому «шакалу» из деревни, — все получили по заслугам от молодой волчицы.

— Карр... — вдруг неожиданно и близко прокричала птица, и резко взмыла в Небеса.

Коля присел от неожиданности. Глянул наверх, и взглядом проводил улетающего ворона. Он снова позвал Шоно, и не спеша, побрёл домой. Милхаевскому внуку крайне повезло: не окажись волчицы рядом, он мог бы запросто погибнуть, на главной улице в деревне.

Смеркалось. Коля заходил домой. Оюна увидела его — израненного.

— Ой ты. Боже ш мой! — схватила за голову. — Давай-ка раздевайся быстро — иди под умывальник! — Налила из чайника воды, разбавила её холодной из ведра. — Что с тобой случилось? Опять подрался с кем-то?

— Не, мама, я ни с кем не дрался, — ответил Коля ей спо-

койно, хотя внутри его трясло. Дрожь передавалась телу: руки «ходили ходуном» от пережитого им шока. Коля весь разделся: до майки и трусов — единственные вещи, что оставались целыми, всё остальное превратилось в жалкие лохмотья. Лоб Коли поцарапан, на теле, на руках и на ногах — везде остались раны от укусов. Коля руки сполоснул, помыл лицо и посмотрелся в зеркало. Нижняя губа распухла, а под глазом красовался фиолетовый фингал.

— Мам, Шоно положи, покушать, — Голодная она.

— Никуда не денется, твоя Шоно. Ты про себя скажи, как было дело, — Оюна прижигала раны Коле обычным йодом из аптечки. Боль жгучая пронзила Колю, да так, что слезы покатались с глаз. Он подскочил, начал прыгать, махать руками и шипеть как кошка.

— Подуй, Мама, подуй быстрее! — обмахивал лицо, мальчишка. Оюна дула Коле на кровоточащие раны и продолжала спрашивать его. Тот «пошипел» от боли, поохал и поплакал. Потом, когда немного успокоился, продолжил свой рассказ:

— Мы по улице гуляли с Шоно, а потом пошли до Димки. Я хотел его с собой позвать. Диму, правда, не пустили, потому что он болел. А когда пошли назад, — пес на нас напал соседский. Я сразу начал защищаться...

— Ну, и?.. — Рассказывай, давай, резину не тяни, — не удержалась мама Коли.

— Мы с собакой подрались, и она меня кусала. Я кричал

и уворачивался, думал, кто-то мне поможет. Но рядом, почему-то, не оказалось никого. Хорошо, что Шоно была со мной. Она набросилась на пса и начала его кусать. Потом они боролись вместе и Шоно его загрызла.

— А как другие? Сколько их там было?

— Их было много, мама. Потом еще одна собака напала на меня. Но Шоно её тоже задрала! Знаешь, она сильная какая!

— Коля с гордостью смотрел на мать.

— А как собаки, что делали они?

— Другие нападали на Шоно, но ничего у них не вышло. Она со всеми подралась и всех их покусала, — тараторил Коля, путаясь и торопясь.

— И зачем ты взял Шоно? — пыталась мама сына поучать.

— Нечего расхаживать по улице с волчицей. Собаки на нее и среагировали.

— Нет, мама, если бы не Шоно, — они б меня загрызли. Но теперь я точно знаю — они больше никогда не нападут на нас!

За разговорами своими, Оюна с Колей и не поняли, когда с работы папа их пришел. Степан увидел сына, измазанного йодом, в синих синяках и ссадинах.

— Ох ты, ё... шки моталки! — Это ж как тебя уделали?! С кем ты подрался, кому сегодня надавал?

Коля повторил историю во всех деталях и подробностях.

— Да... дела у нас... — задумчиво проговорил Степан. — Повезло сегодня сыну... Да, нам с тобою повезло, что Шоно

оказалась рядом, иначе... Нет, не буду продолжать. А как же насчет бешенства? Если те собаки бешенством болели, они могли и Колю заразить?

— Да, я и не подумала, — Оюна встрепенулась. — Мария же! К ней надо срочно обратиться! Медсестрой работает в медпункте, поди, подскажет если что. — Оюна стала быстро одеваться. — Давайте, кушайте там без меня: все на плите стоит, я все вам приготовила. Оюна шаль накинула на плечи и побежала за калитку.

Степан же с Колей продолжили свой разговор.

— Понимаешь, сын, — Шоно — хищник. Соседи уже жаловались мне, грозились, если что, в управу сообщить.

— Но, папа, Шоно хорошая, она людей не трогает, — пытался заступаться Коля.

— В том-то все и дело, что пока не трогает. Сегодня, вот, тебя спасла, собак убила, почувствовала кровь на вкус. А что, с ней дальше будет? Она ведь может и на скот напасть, или на нас чего хорошего...

— Но папа, этого не будет, — начал Коля умолять отца.

— Да знаю, что не будет. Только мы живем среди людей, а здесь свои законы, и правда, тоже здесь своя. Тут хошь, не хошь, а надо подчиняться. И это... Я вот что: завтра отведу Шоно за огороды... — И больше не сказал ни слова. А Коля сразу же заплакал. Он все прекрасно понимал, что будет дальше с Шоно.

— Папочка, миленький, не убивай Шоно, пожалуйста!

Она хорошая, ты просто отпусти, пускай она в лесу живет!

Степан закончил ужин, уселся в кресло, ближе, к телевизору. Он, к сожалению, своему не мог такого сыну обещать.

На следующий же день, Степан надел ошейник на волчицу. Он взял с собой ружье, патроном зарядил, и вместе с ней пошел за огороды. Спустя минуты, Коля выстрел услышал. Отец домой вернулся, достал из холодильника бутылку тара-суна, налил в стакан и капнул, а потом все залпом выпил.

Коля сразу понял, что произошло, он кинулся к отцу на руки и расплакался. Долго, так, они сидели: один — тихонько хныкал, шмыгал носом, и слезы утирал, другой в раздумья погрузился невеселые свои.

После того события — деревня загудела: и разговоров было, и ругани и споров... Люди на дорогу возвращались, смотрели на следы собачьи, картину полную старались воспроизвести. Место волчьей драки находилось рядом с домом самого хозяина большого пса. Того самого, которого загрызла Шоно. Он не мог не слышать Колю, когда тот на помощь звал. Но почему-то, он не вышел и не помог мальчишке. Утром, первым делом, побежал в управу.

История по ходу обрастала небылицами и разными деталями. Но «факты говорили» и остались неизменными. Еще бы: местные собаки чуть не разорвали Колю.

Байра — хозяин пса — сильно возмущался, и деньги от Степана требовал. Другие наблюдали, чем это все закончится. Кто-то, так же, как и Байра, подумал предъявить Степану.

— Я говорил давно, — волчицу нужно пристрелить, — это неправильно, когда в деревне ходит волк! — речь его была громкая, эмоциональная. Его послушать, — так Коля сам был виноват, что спровоцировал собак на драку. Потом же, его злобная волчица напала хозяйскую собаку. После такой «невинной» речи, на деревенском сходе, встала Клавдия Петровна — старший продавец универсама:

— Ишь чего захотел, — компенсацию ему подавай! На счет заряда соли в *опу не подумал? — напустилась на хозяина собаки. — Давно пора было паскуду пристрелить. Сколько старушек напугал твой пес, детишек тоже! Да было б у меня ружье, я бы его сама прикончила. Не далеко, как пару дней назад, отогнала собаку от мальчишки. Мог ведь тогда ещё напасть. И это благо — зверь хозяина не бросил. А если бы твой пес его задрал, чего бы ты тогда запел? — В тюрьму пошел бы? — А... Чего молчишь?

— Да если бы у бабушки был..., она бы дедушкой ..., — съязвил Байра, в ответ на выпады.

— Ну, вот вы посмотрите на клоуна такого, — он и сейчас-то ничего не понимает! Ух, только попадись мне пьяный, после получки, в магазине! Спуску не дам, — прибью! — Помахала в сторону Байра и своим немалым кулаком. Тот осекся сразу, потупил взгляд и голову нагнул. Горячий норов продавщицы в деревне знали все. Если чего, — за словом не полезет, она и слов не будет подбирать. Кость широкая у Клавдии — вся в своего отца. Тяжелая рука — в горячке

лучше к ней не попадаться.

— Ты помолчи, Байра, действительно! — добавил пожилой печник. — Коли неправ, так не пытайся свой характер показать. А с женщиной тем более молчи. — Герой, какой нашелся! Правильно все Клавдия Петровна говорит, паскудный пес твой, — весь в своего хозяина. Я сам тому свидетелем пойду: меня он тоже чуть не покусал. Это хорошо, что сын мой, с работы возвращался и твою псину палкой отогнал. Закон у нас такой, Байра: если завел собаку, тогда на цепь ее сади, чтобы по деревне не бегала, детей малых да стариков не пугала. Оно же, кстати, и других касается: не один же его пес бегал по деревне. И вот еще... Драка ведь когда была? — Вечером, когда все дома были, и аккуратно под окнами Байра. А Коля ведь кричал и звал на помощь, собаки тоже громко лаяли. Правильно я понял? — он обратился к залу.

— Да, да, все так и было, — подтвердили деревенские.

— Тогда чего же ты не вышел, и не помог?! Или может испугался? Как на женщину ругаться — так ты храбрый, а как ребенка защитить — так струсил?! И кто ты после этого? — Мужик или кто? Да тебя за это под суд надо отдать! — печник разошелся, покраснел и не мог уже остановиться.

Люди на собрании зашумели. Спорить начали, между собой, кричать. Послышались угрозы в зале.

— Тихо, товарищи, тихо, давайте уважать друг друга! — успокоил председатель схода. Надо для начала всех послушать.

— Насчет Степана, я так скажу: он правильно все сделал. Увел волчицу в лес и застрелил. Не чета тебе — осознает свою ответственность, — сказал печник уже спокойным голосом.

Тут снова Клавдия Петровна поднялась:

— Предлагаю сделать выговор Байра. Оно не только для него урок, — и для других, чтоб неповадно было! Люди снова зашумели, начали спорить и ругаться. Так постепенно ругань, уже, перерастала в крик.

— Тише, товарищи, тише! — прервал их председатель. — Не на базаре ведь находитесь. Поступило предложение вынести вопрос... Кто будет — за...?

Все подняли руки.

— Итак... — он чуть помедлил. — Кто за то, чтобы объявить взыскание Байра, — руки поднимите.

Зал оживился, и обсуждение продолжилось с новой силой.

— Тише, товарищи, давайте уже проголосуем! Кто против? Кто воздержался?

Посчитали голоса. Две трети от присутствовавших подняли руки «за». Треть была против, воздержавшихся не оказалось. Документ оформили и подписали.

— На этом сход считается закрытым! Всё, товарищи, собрание окончилось! Колхозники стали подниматься с мест, но обсуждение не прекратили. Особо рьяные продолжили спорить и ругаться, — их остальные вывели на улицу. Зал

постепенно опустел.

Милхаевскому внуку не приходилось долго горевать. Пока что он ходил со шрамами: лицо и руки были у него в зеленке. В дополнение, ждали неприятные уколы. Коля хныкал и не хотел идти в медпункт. Еще, он жаловался деду. Однако Милхай отвечал в своей излюбленной манере:

— Ну что, Колюня, — истыкают тебе всю шкуру, на барабаны ее больше не натянешь!

Но Коля шутки, той, не оценил: обиделся на Милхая, и как пузырь надулся.

Месяц целый пролетел с того самого времени. Раны за-
растали, а вместе с ними забывались и обиды.

Однажды, после работы, Степан принес домой большого мохнатого щенка. С кличкой не приходилось долго выбирать. Хозяин, бывший, уехал в город, а собаку передал Степану. При рождении, он нарек щенка бурятским именем — Батор, что в переводе означало «богатырь»! Домочадцам оно понравилось. Так и поселился Батор у Коли — его новый «маленький» любимец.

— Прямо, как мой друг — Батор Церенович! — одобрил Милхай. — При случае скажу, что сын собаку в его честь назвал.

— Не говори лучше, не надо — а то расстроится еще, обиду затаит, — посоветовала Янжима.

— Так то же не из злости, наоборот — из уважения! Да и

не обидчивый он, рано или поздно сам узнает.

— Тем более не надо.

— Не буду, — Милхай супругу успокоил. Он хитро улыбнулся и Коле подмигнул.

Черный обитатель неба (турлааг)

Птица высоко парит и чувствует вибрацию.

Хозяин леса — сильный Дух летает в ее теле.

В чьей он сегодня во плоти: в вороне ли, в синице?

Откуда тебе точно знать, где он на самом деле.

(Хозяин леса)

Как-то давно один из поселковских ребят гостил у своих родственников в деревне. Он хорошо знал местных пацанов, потому что раньше жил здесь вместе со своими родителями. Потом его отца перевели на другую работу, и они переехали в поселок. Тем не менее, каждое лето он гостил у бабушки с бабушкой. И осенью, раз в год, вместе с родителями приезжал на Родовой обряд. Парня звали Алдар. Шустрый не по годам: где куда залезть напакостить, нашкодить — он всегда впереди. Игры в бабки (бабка — суставная кость у крупных домашних животных), в пристенки (игра на монетах). Где в карты, где покурить тайком — везде Алдар в затейниках. Роста не высокого, ни силы, ни умения, хотя задира он еще тот. За ним всегда шли старшие. Кто среагирует на его

наглуую выходку, тот потом от старших и получает. За такие подлости Алдара невзлюбили.

— Ненашенский Алдар, поселковский, — осуждала продавщица тетя Клава. — Пока в деревне жил, вроде хороший парень был, а как поселок переехал — спутался с хулиганами и совсем испортился. Вы бы лучше не водились с ним, такой вас подведет «под монастырь», — пыталась она отговорить ребят.

Но за всеми недостатками кое-что у Алдара неплохо получалось. Он обладал талантом организовывать толпу. Как-то раз он позвал мальчишек пострелять по мишени. Прихватил с собой дедову «воздушку» и полную коробку свинцовых пулек. Ребятам было интересно, что старший с ними возится. Они собрались впятером, и «большим гуртом», все вместе пошли за огороды. Взяли с собой бумагу — альбомные листы и карандаш. Нарисовали круги как на мишени, цифрами разметили и начали стрелять. Сперва для пробы стрельнули по разу. Потом Алдар предложил на интерес: на мелкие монеты. За каждый промах — три копейки положить. Выигрывает тот, кто оказался метче. Алдар был лучшим, и постепенно забрал всю мелочь у ребят. Дальше стало неинтересно стрелять просто так, тогда он усложнил условия. Алдар предложил «палить» по воробьям, по тем, что сидели рядом на ветках. Двое из пяти мальчишек отказались сразу.

— Не будем мы по птицам стрелять, — сказал Слава, он был постарше остальных.

— Ну, не хотите и не надо. Я вас силком не заставляю. Не нравится, тогда идите отсюда.

Слава с младшим братом собрались и пошли домой. Остались Ваня, Сава и Алдар. Втроем они палили по живым мишениям — по синицам и по воробьям. Птицы маленькие, юркие, трудно в них попасть без должного навыка. Хотя и здесь решение нашлось. Недалеко у опушки леса летали вороны, они-то и привлекли внимание ребят. Пройдя немного в сторону опушки, на расстояние выстрела, Алдар остановился, переломил ружье, вложил туда пульку и вернул приклад на место. Потом прицелился и стрельнул. Раздался глухой щелчок. Снизу было хорошо заметно, как ворон «дернулся», в сторону, и этим уберегся от попадания пули.

— Вы чего тут творите?! Я вам шас уши-то пообрываю! — громко разразился дядя Федор, — бывший участковый, — «молодой пенсионер». Он случайно проходил мимо и увидел ребят с ружьем. — А ну-ка сдать оружие! — сказал он резким командирским голосом.

Пацаны оторопели. Алдар сразу понял, чем дело «пахнет», бросил свою «воздушку», и побежал тикать, да так, что только его и видели. Сава же с Ваней никуда не побежали. Дядя Федор строго расспросил мальчишек, забрал у них ружье и наказал, чтобы передали Алдарову деду вечером зайти к нему.

— Вам ребята я так скажу: не связывайтесь вы с этим парнем, он у нас в поселке в детской комнате милиции состо-

ит за хулиганство. Попадете в неприятность, и вас привлекут, — предостерег их Федор. — В одной деревне живем, — родители знают друг друга. А ружье, оно без разницы, — что огнестрельное, что воздушное, для детей — опасное. Маленькие вы еще, чтобы из ружья стрелять, тем более по воронам. — Я все понятно объясняю?

— Понятно, дядя Федя, — ответил, Сава и понуро опустил голову.

— Если еще раз увижу в компании с Алдаром, сразу родителям сообщу.

От этих слов Ваня даже расплакался.

— А ну-ка не реви, нюни распустил, понимаешь! Мужик ты или кто?!

— Мужик, — ответил Ваня, всхлипывая и утираясь грязными руками.

— Ну, вот и молодец. А теперь давайте быстро по домам, а то родители, наверное, вас уже потеряли.

Пацаны оказались понятливые, им не потребовалось повторять дважды. После того случая они больше не водились с Алдаром. Тем же вечером к бывшему участковому заглянул Алдаров дед. Клавдия, супруга участкового, заварила свежего чаю и угостила деда домашней выпечкой. Они долго беседовали с Федором про молодежь, про нынешнюю да про внука непутевого. Дед, бывший фронтовик, все понял повоенному. Он поблагодарил хозяйку за чай и Федора за его повзрослевшего «оболтуса». Забрал воздушное ружье, одел-

ся и пошел домой. Дома он провел свою «беседу»: жесткую, по-мужски — выпорол ремнем непутевого внука. На следующий же день из поселка приехал отец Алдара и увез его с собой. С тех самых пор Алдара в деревне никто не видел. Разве что раз в год, и то с родителями, у Шамана, на Родовом обряде.

Охоту ради развлечения Милхай никогда не поощрял. А тем более, по лесным воронам.

Была зима, стояла теплая и снежная погода. Макушки у деревьев покрылись густыми меховыми шапками. Глубокие сугробы становились серьёзным препятствием для жителей тайги. Мыши-полевки изредка нарушали эту «бесследную идиллию», оставляли петли, узоры замысловатые на пушистой зимней поверхности. Их жизнь мышиная была наполнена своим особым смыслом. Старая сосна осыпалась мелочью на свежий снег. То белка прыгала с ветки на ветку, по дороге к своим заготовленным припасам. Рядом, на другое дерево, дятел прилетел. Он разбивал древесину клювом, искал личинки короедов, выстукивая при этом ритмичную трель.

Пошел снег, плавно закружил, медленно оседая на ветках. Снежинки спускались с самого неба, сбивались в густые хлопья и поглощали любые звуки, которые доносились из лесу. Они падали неумолимо на белую, бережно укрытую землю. Стало совсем тихо. Казалось, будто, все живое вымерло. И

птицы в это время не летали, и звери не ходили, а насекомые, до самой весны, заснули анабиозным сном.

Большая птица сидела на ветке и внимательно следила за всем происходящим. Это был черный ворон. Многое он повидал на своем веку. Лес для него был как дом: — здесь он родился и вырос, здесь он прошел первые уроки. Так же, как и другие птенцы, он «выпал» однажды из гнезда, и самостоятельно полетел. Здесь, в этих же местах родились его родители. Они однажды встретили друг друга, свили семейное гнездо и вывели маленьких птенцов.

Когда-то наступает время, и нужно оторваться от других, пойти своим собственным путем. Никакие наставники не сделают того, что ты сам должен сделать. Никто из них не проживет за тебя твою собственную жизнь.

У птицы в жизни — в её падениях и взлетах — никто другой, кроме нее, не упадет и не взлетит.

Ворон помнил первые уроки: когда он — ещё совсем маленьким птенцом сидел в одном гнезде со своими братьями и сестрами. Как мама кормила заботливо и каждому подавала червяка в его маленький клюв. Как однажды он первый раз полетел. Он помнил воздушные уроки с воронами, лесные драки и дележ добычи, первые несправедливости и первые обиды. Но, вместе с тем, существовала и другая сторона: —

забота ближних и хорошие наставники.

Птичья жизнь отлична от животных не только красотой полета, но и познанием других миров. Там, на высоте, земля не смотрится единственным пристанищем для жизни. А люди и звери — не единственные существа на свете. Ворон чувствовал не раз присутствие чего-то непонятного. Будто рядом, кто-то находился. Однажды этот «кто-то» помог маленькому ворону преодолеть свой страх. Раскрыл его крылья при падении из гнезда, не дал ему разбиться. В другой раз, он поступил иначе: сбил молодого ворона, отправил его в штопор, заставив падать вниз. Ворон чудом не разбился, из-за малой скорости и малой высоты. Но после случая того он получил урок и начал тщательно готовиться к каждому полету.

По жизни птичьей Ворона вели. Он падал часто и часто разбивался. Но после с верой всматривался в небо. Лишь проходило время, он снова поднимался и становился на крыло. Вот так, через ошибки, через падения сильные и закалялся его характер, ковался сильный и упорный, не сгибаемый Дух.

Случались редкие моменты, когда он видел призрачных существ. Их редко можно было встретить днем, но по ночам и вечерам, в предутреннее время они внезапно появлялись, и так же, внезапно исчезали. Довольно рано ворон узнал и про людей. Он слышал выстрелы охотников, что метились в зверей и птиц. Однажды метились в него. Ворон увидел стрелка

с ружьем и резко изменил полет — тем самым уберёгся от ранения. Как-то Ворон начал замечать, что снизу наблюдают звери. Так между ними установилась связь. Ворон оставался частью чего-то большего в природе, он научился понимать лесные знаки, передавать на расстояние и быть связующим звеном. В тайге животные и птицы не могут друг без друга.

У леса есть везде глаза и уши: среди людей, животных, или птиц. Так Сущее хранит свои порядок и закон...

Лосинная охота. Хандагай

Почин воинствующему Духу

Весной природа очищается. Оживают первые растения. Птицы звонким пением встречают новую весну. Пробудившиеся от спячки животные, входят в активную жизнь. Ночь сдает позиции, и с каждым новым днем становится короче.

После долгой зимы приходит весна, как вестник начала новой жизни. Морозы уступают оттепелям: снег чернеет и постепенно тает. На крышах появляются сосульки, своей капелью оповещая наступление тепла. Лес оживает. Птицы чирикают, каркают и трещат на разные голоса, запевая свои весенние песни. Снег уплотняется в лесу, подтаивает на солнце, а наст схватывается ночью и превращается в тонкий лед.

Весна — не лучшее время для копытных. Если раньше снег позволял передвигаться по лесу, свободно убегая на высоких ногах от хищников, то весной, такое преимущество, становится серьезным недостатком. Большая масса, малая опора не позволяют им бежать по снежной, подмерзшей целине, как раньше. Им приходится буквально продираться, с трудом передвигаясь по лесу. Козы, изюбри и сохатые проваливаются, и, леденистым настом, в кровь сдирают шкуру. Весной им нужно быть особо осторожными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.